

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.3.2>

УДК 81'42

ББК 81.055

ОНИМЫ ЭПИСТОЛЯРНОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX–XX вв.)¹

Татьяна Петровна Акимова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
akimova_t@rambler.ru
просп. им. В.И. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье проанализированы особенности использования прецедентных имен в частных письмах классиков русской литературы, определена специфика эпистолярного идиостиля каждого из писателей в области употребления прецедентных онимов, выявлены тенденции в употреблении прецедентных онимов в русском эпистолярном тексте на протяжении двух веков.

Установлено, что в качестве прецедентных имен в эпистолярном тексте преимущественно используются антропонимы, мифонимы, поэтонимы и топонимы. Выявлены сходные черты и различия в употреблении прецедентных единиц в эпистолярных текстах, принадлежащих разным авторам. Определены тенденции изменения в употреблении прецедентных имен в эпистолярном тексте с течением времени.

Изменения значения онима, позволяющие отнести его к прецедентным именам, в эпистолярном тексте актуализируются при использовании имени собственного в сравнительных конструкциях в качестве объекта сравнения, а также посредством использования онима в форме множественного числа. Для писем также характерно употребление антропонимов и топонимов в качестве однородных членов предложения, что позволяет актуализировать значение имени собственного, отличное от денотативного.

Использование прецедентных антропонимов, мифонимов и поэтонимов для авторо-характеристики, а также для именованя адресата или лиц, о которых ведется речь в письме, позволяет реализовать функцию создания шуточного или ироничного тона в эпистолярной коммуникации. Одним из способов его создания является языковая игра, состоящая в использовании окказиональных словообразовательных дериватов прецедентных имен.

Ключевые слова: идиостиль, интертекстуальность, оним, прецедентное имя, прецедентный текст, эпистолярный текст, языковая игра.

В современном языкознании активно исследуется феномен интертекстуальности, под которой понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных

или неизменных цитат, аллюзий, реминисценций» [4, с. 346].

С интертекстуальностью тесно связано понятие прецедентности. К прецедентным традиционно относятся тексты (в широком смысле), соответствующие следующим критериям:

во-первых, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, во-вторых, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, и, в-третьих, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [7, с. 216].

Разграничивая разнородные прецедентные феномены, лингвисты выделяют следующие их типы: прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и прецедентные имена [5, с. 83]. Многочисленные исследования демонстрируют существенные различия в функционировании прецедентных феноменов в различных видах дискурса (см., например: [2; 6; 10–12]). Менее изученным в аспекте прецедентности представляется эпистолярный дискурс: результатом единичных исследований стала характеристика идиостиля частной переписки, отражающая своеобразие той или иной авторитетной языковой личности (см., например: [1; 3; 9]).

В центре нашего внимания находится прецедентное имя (далее – ПИ).

Существует широкое и узкое понимание ПИ. Так, Е.А. Нахимова относит к рассматриваемым единицам широко известные имена собственные, используемые в тексте не только для обозначения конкретных субъектов или объектов, но и как своего рода культурные знаки, символы определенных качеств, событий, судеб и т. п.: «Различия между двумя рассматриваемыми типами значения связаны с тем, что в первом случае слово связано с традиционным денотатом (референтом), а во втором – с совершенно иным денотатом (референтом)» [8, с. 53].

Другие авторы рассматривают ПИ как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного ПИ» [5, с. 83]. Следовательно, онимы, использованные в первичном значении, то есть связанные с традиционным денотатом, при данном подходе не относятся к ПИ.

Рассматривая прецедентные онимы в соответствии с последней концепцией, представляющей узкое понимание ПИ, обратимся к выявлению специфики употребления имен собственных в контекстах, реализующих их переносное, метафорическое значение.

Материалом для исследования послужило эпистолярное наследие классиков русской литературы XIX–XX вв., носителей элитарного типа речевой культуры, обладающих «истинным мастерством владения языком, всем его богатством при соблюдении всех правил и ограничений» [14, с. 228]. Анализ употребления ПИ в письмах А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, М.А. Шолохова и В.П. Астафьева позволит не только охарактеризовать особенности эпистолярного идиостиля каждого из авторов, но и проследить тенденцию в употреблении прецедентных онимов в русском эпистолярном тексте на протяжении двух веков.

ПИ имеют разную частотность в эпистолярных анализируемых авторах. Так, в письмах А.С. Пушкина отмечено 60 прецедентных имен, у В.П. Астафьева – 57, у А.П. Чехова – 47, у Л.Н. Толстого – 26, у М. Горького – 18, у М.А. Шолохова – 8. Как видим, в письмах А.С. Пушкина, А.П. Чехова и В.П. Астафьева прецедентные онимы употребляются более активно, чем у остальных писателей. Предполагаем, что частотность ПИ представляет собой одну из характеристик эпистолярного идиостиля автора.

ПИ, используемые в анализируемом материале, можно распределить по следующим группам: антропонимы, поэтонимы, мифонимы, топонимы. Кроме того, в письме М. Горького отмечен прецедентный библионим – «Все в прошлом» (название картины), а в письме В.П. Астафьева – прецедентный эргоним «Спартак» (название футбольной команды).

Из прецедентных антропонимов активно используются фамилии (в ряде случаев вместе с именами и отчествами) писателей, среди которых как современники автора, имеющие разную известность (например, у А.С. Пушкина – *Бомарше*, *Хвостов*, у Л.Н. Толстого – *Щедрин*, *Соллогуб*, у А.П. Чехова – *Островский*, *Пальмин*, у В.П. Астафьева – *Вампилов*, *Мерзликин*), так и относящиеся к дру-

гим временным периодам авторы классических произведений художественной литературы (например, у А.С. Пушкина и В.П. Астафьева – *Петрарка*, у Л.Н. Толстого – *Жуковский*, у М. Горького и В.П. Астафьева – *Шекспир*, у В.П. Астафьева – *Гоголь*, *Лермонтов*, *Пушкин*). Встречаются также фамилии или (при их отсутствии) имена известных исторических деятелей прошедших веков или современников автора (например, у А.С. Пушкина – *Брут*, *Суворов*, у В.П. Астафьева – *Наполеон*, *Жуков*). В письмах В.П. Астафьева отмечено употребление в роли ПИ фамилий современных артистов отечественной эстрады (*Жванецкий*, *Никулин*), а также фамилии советского спортсмена, олимпийского чемпиона по боксу 1964 г. (*Попенченко*).

Среди прецедентных поэтонимов, используемых в письмах русских писателей, встречаются имена персонажей отечественных произведений разной степени известности (например, у А.С. Пушкина – *Алеко*, *Варюшка*, у А.П. Чехова – *Мижугев*, *Плюшкин*) и широко известных произведений зарубежной литературы (например, у А.С. Пушкина – *Ловелас*, *Jourdain*, у А.П. Чехова – *Гамлет*, *Горацио*, у М.А. Шолохова – *Санчо Панса*; у М. Горького и В.П. Астафьева случаи употребления поэтонимов иностранного происхождения не отмечены). В письмах М. Горького обнаружены имена персонажей русского фольклора (*Василиса Премудрая*, *Соловей Будимирович*), а у А.П. Чехова – восточного (*Наср-Эддин*). В эпистолярной В.П. Астафьева представлены имена героев художественных и документальных фильмов (*Марья-Большевичка*, *Яшка-артиллерист*, *отец Сергий*).

Мифонимы, в числе которых в основном имена героев античной мифов (например, у А.С. Пушкина – *Минерва*, *Улисс*, у Л.Н. Толстого – *Феб*, у А.П. Чехова – *Ахилл*, *Гектор*, у М. Горького – *Геркулес*) и библейских персонажей (например, у А.С. Пушкина – *Голиаф*, *Лот*, у Л.Н. Толстого – *Магдалина*, у А.П. Чехова – *Авраам*, *Давид*, у М. Горького – *Исайя*), в анализируемом материале отмечены у всех авторов, кроме М.А. Шолохова и В.П. Астафьева.

В отличие от текстов, функционирующих в средствах массовой коммуникации, где ис-

пользуются только прецедентные имена, известность которых имеет общенациональный характер [8, с. 54], автор письма может включить в текст не только общеизвестные имена и названия. Как уже было отмечено выше, в качестве ПИ в анализируемом материале нередко используются фамилии (в некоторых случаях – с именами) малоизвестных отечественных писателей – современников авторов. Кроме того, в писательском эпистолярном прецедентные могут использоваться имена и фамилии близких или знакомых автору людей. Главным критерием возможности употребления антропонима в качестве прецедентного имени является известность лица, обозначенного именем собственным, адресату.

Подобная особенность обнаруживается и при использовании топонимов: среди них встречаются как знакомые каждому жителю России топонимы, называющие страны (у В.П. Астафьева – *Израиль*, *Голландия*), регионы (у А.П. Чехова – *Монте-Карло*, у М. Горького – *Крым*, *Кавказ*), города (у М.А. Шолохова – *Москва*, у В.П. Астафьева – *Ленинград*, *Париж*), реки (у А.П. Чехова – *Волга*, у В.П. Астафьева – *Енисей*), так и известные далеко не всем астионимы (у А.П. Чехова – *Василесурск*, *Шклов*, у В.П. Астафьева – *Бийск*, *Шарытово*), гидронимы (у А.П. Чехова – *Фонтанка*, у В.П. Астафьева – *Сибла*), а также иные географические названия (у Л.Н. Толстого – *Ясная*, у А.П. Чехова – *Сокольники*).

Частотность той или иной группы ПИ в эпистолярном наследии русских писателей позволяет выявить предпочтения каждого автора в употреблении прецедентных онимов. Так, А.С. Пушкин в письмах активно использует антропонимы (28), реже – поэтонимы (17) и мифонимы (15), а прецедентные топонимы в его письмах не отмечены. Л.Н. Толстой употребляет прецедентные антропонимы (19) и мифонимы (7), почти не использует топонимы (1) и вовсе не употребляет поэтонимы. В письмах А.П. Чехова представлено почти одинаковое количество антропонимов и мифонимов (13 и 14), а также равное число поэтонимов и топонимов (по 10). М. Горький чаще использует антропонимы (8) по сравнению с поэтонимами (4), мифонимами (3) и топонимами (2). Подобное соотношение отмечено в письмах М.А. Шолохова: антропо-

нимов незначительно больше (5), чем поэто-
нимов (2) и топонимов (1). В письмах
В.П. Астафьева антропонимы используются
значительно чаще (40), чем топонимы (14) и
поэтонимы (3). В эпистолярной М.А. Шолохова
и В.П. Астафьева не встречаются прецедент-
ные мифонимы, что, на наш взгляд, обусловле-
но изменениями в языковой картине мира лю-
дей так называемого «советского общества».
Остальные различия в употреблении ПИ, ве-
роятно, могут характеризовать особенности
эпистолярного идиостиля каждого автора.

Рассмотрим подробнее наиболее харак-
терные для писательского эпистолярного приемы
актуализации переносного значения имени соб-
ственного в высказывании, позволяющие ха-
рактеризовать оным как прецедентный.

Высказывания, включающие ПИ, могут
содержать языковые средства, способствующие
реализации переносного значения оными.
В контексте непрямого значения рассматрива-
емых единиц, актуализируется, как правило,
с помощью грамматических средств: вклю-
чения имен собственных в сравнительные
конструкции в качестве объекта сравнения,
использования онимов в форме множествен-
ного числа.

Анализ особенностей употребления ПИ
в составе сравнительных конструкций позво-
лил выделить две группы сравнений: сопос-
тавления и противопоставления. Дальнейшая
дифференциация внутри каждой группы про-
изводится с учетом того, кто / что является
субъектом и объектом сравнения. Автор мо-
жет сопоставлять с лицом, обозначенным ПИ:

а) самого себя: *Ей-богу, душа моя, не я
с ними (актрисами. – Т. А.) кокетничал, они
со мною амурились в надежде на лишний
билет. Но я отговаривался незнанием не-
мецкого языка и, как маленький Иосиф,
вышел чист от искушения (ПЗ, с. 69); Ез-
дил экзаменовать мальчишек, приехал и
чувствую себя разбитым, как Геркулес
после одного из своих самых пикантных
подвигов (Ч2, с. 173); Я долгонько ждал от
Вас ответа по поводу того, отослана ли
б ч. «Тихого Дона» в Англию и получили ли
Вы машинку из Германии. <...> Пожа-
луйста сообщите! Вопросы эти меня столь
же интересуют, как примерно – т. Лит-
вакову ход моей работы над 3 кн[игой]*

*«Тих[ого] Дона» и «Поднятой целиной»
(Ш, с. 153);*

б) адресата: *Но, отдохнув после «Или-
ады», что предпримете вы в полном цвете
гения, возмужав во храме Гомеровом, как
Ахилл в вертепе Кентавра? (П1, с. 370); Ты
в русском искусстве музыки первый, как в
искусстве слова первый – Толстой (Г2,
с. 302); Знаю, каким трудом и мужеством
тебе дается каждая строка. Таким же
стилистом, равным тебе, был на Руси
Гоша Семенов... (А, с. 543);*

в) лицо (группу лиц), о котором идет речь
в письме: *Теперь он (Броневский. – Т. А.) под
судом – и, подобно Старику Виргилия, раз-
водит сад на берегу моря, недалеко от го-
рода (П1, с. 46); Познакомился я с одним
попом. Хороший, редкий поп! Нечто вроде
арзамасского Моисея, ибо тоже занима-
ется водопроводным делом. Только Моисей
мог сразу – ударом палки, по камню – до-
быть воды, а мой поп двадцать лет бьет
по башкам местных купцов и – все еще
пока без результата (Г1, с. 270); Я написал
Жене письмо, в котором сравнил его с бок-
сером Попенченко. Уж он если поймает
мысль какую, або идею, пока ее к канатам
не прижмет, не добьет до нокаута – не
отпустит (А, с. 197).*

Автор может противопоставлять лицу,
обозначенному ПИ:

а) самого себя: *В отношении его (Глин-
ки. – Т. А.) я не Фемистокл; мы с ним при-
ятель и еще не ссорились за мальчика (П1,
с. 139); Если бы Вы не прислали мне марок,
то от этого не пострадали бы ни я, ни
литература. Что за рыцарство? Точно я
Плюшкин или беден, как Диоген (Ч1, с. 401);
Я, к сожалению, не умею защищать свои
тексты и вещи словесно (видимо, надо
быть Ф. Абрамовым, чтобы брать Вас за
горло), ибо полагал и все еще, возможно,
наивно полагаю, что дело автора говорить
на бумаге (А, с. 280);*

б) лицо (группу лиц), о котором идет речь
в письме: *Ты, кажется, любишь Казимира,
а я так нет. Конечно, он поэт, но все не
Вольтер, не Гете... далеко кулику до орла!
(П1, с. 446); У Ноя было три сына: Сим, Хам
и, кажется, Афет. Хам заметил только,
что отец его пьяница, и совершенно упус-*

тил из виду, что Ной гениален, что он построил ковчег и спас мир. Пишущие не должны подражать Хаму (Ч1, с. 529); В почетном карауле отбывали повинность все больше инженеры человеческих душ вместе и во главе с Юрой-болтушкой, этим законнорожденным советским строем и соцреализмом мыслителем и вождем, умудрившимся столько вреда русской современной литературе нанести, сколько самому графу **Бенкендорфу** в свое время не удалось (А, с. 563).

Как видим, автохарактеристика осуществляется при сравнении автора письма с лицом, обозначенным ПИ, и часто используется для выражения иронического отношения к самому себе, подобно тому, как это осуществляется при использовании ПИ в функции шуточных прозвищ. Напротив, характеристика адресата или субъекта, не принимающего участия в коммуникации, посредством сопоставления его с лицом, которое обозначено ПИ, позволяет автору выразить положительное отношение к субъекту сравнения; при противопоставлении субъекта, который не принимает участия в эпистолярном общении, лицу, обозначенному ПИ, автор обычно выражает негативное отношение к субъекту сравнения. Поскольку отрицательного оценивания адресата адресант обычно избегает, сохраняя возможность эпистолярной коммуникации, примеры противопоставления адресата лицу, обозначенному ПИ, в письмах не представлены.

Прецедентные топонимы в высказываниях, включающих сравнительные конструкции, используются значительно реже ПИ, включенных в другие группы рассматриваемых онимов. Обычно при описании местности, особенности климата или природы которой адресат знает меньше, чем адресант, автор письма сравнивает ее с территорией, известной обоим участникам коммуникации. Среди таких высказываний отмечены как сопоставления, так и противопоставления, ср.: ...я прошел походить по Девичьему полю. Не жарко и тихо так, как в **Ясной** (Т2, с. 14); В Ялте чудесная погода, но скучно, как в **Шклове** (Ч2, с. 299); ...пока наслаждаюсь покоем и прохладой, а в воздухе запах и смог, как у нас в **Красноярске** (А, с. 473) – Красиво здесь; не так олеографично, как в

Крыму, не так сурово, как на **Кавказе**, то есть в **Черноморье**, а как-то иначе и – неопишимо (Г3, с. 12); Сад великолепный. Пахнет дамами, а не самоварным дымом, как в **Сокольниках** (Ч1, с. 138).

Употребление онимов в форме множественного числа позволяет актуализировать переносное значение имени собственного и способствует формированию прецедентности: Вчера я прочел повесть **Потапенко** в «Северном вестнике». <...> Вся наша беллетристика всех этих **Потапенков** положительно вредна (Т2, с. 256); ...клянусь честью, не узнавал тебя, когда ты жил у нас 2 месяца тому назад. Неужели это ты, живший когда-то в чистенькой комнате? Дисциплинируй, брат, **Катек!** (Ч1, с. 37); Получил последний номер «Очарованного странника» и с удивлением увидел хвастливое, самоздравное интервью с общественным деятелем **Есиным**... <...> Вы хотя бы из чувства брезгливости не пускали на чистые полосы своей пока еще не загрязненной газеты **Есиных-то** (А, с. 636).

В анализируемом материале большинство ПИ, употребленных в форме множественного числа, являются антропонимами. Топонимы отмечены только в эпистолярии В.П. Астафьева: Да, мы достойны, за малым исключением, того, чтоб **Иванова-Белинская-Рыбакова Наталья** витийствовала в журналах и представляла нашу литературу аж в **Голландиях**... (А, с. 437). В ряде примеров онимы, используемые в функции ПИ, пишутся автором со строчной буквы: Долгое жительство в **парижах** вредно – уж очень несовершенной начинает казаться наша жизнь и страна... (А, с. 429).

Актуализация прецедентности происходит и в тех случаях, когда антропонимы, употребляемые в форме множественного числа, концентрируются в одном высказывании, выступая в роли однородных членов: ...из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в **Малинники**; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в **Малинниках** вместо всех **Анет, Евпраксий, Саш, Маш** etc. живет управитель **Парасковии Александровны, Рейхман**... (П3, с. 137); Ужасно то, что все эти пишущие, и **Потапенки**, и **Чеховы**,

Зола и Монасаны, даже не знают, что хорошо, что дурно... (Г2, с. 267); *Слишком стремительно разлагается человек вообще и наше общество в частности, <...> и звереет, и подлеет человек еще больше, и это при наличии Толстых, Пушкиных и прочих Шекспиров и Петрарок* (А, с. 302).

В целом для эпистолярия характерно использование антропонимов, объединенных по тематическому признаку, в рамках одного высказывания: *Жизнь русского, торгового человека цельнее, полезнее, умнее и типичнее, чем жизни нытиков и пыжиков, которых рисует Альбов, Баранцевич, Муравлин и проч.* (Ч1, с. 229); *Жуть меня берет, как подумаю, что скоро помрут Паустовский, Леонов, Никулин, Шкловский, а что взамен идет?* (А, с. 135). Как видим, в первом примере писатели – современники автора – характеризуются отрицательно, а во втором – положительно, то есть посредством перечисления антропонимов в первичных значениях реализуются и их переносные значения: ‘плохие писатели’, ‘хорошие писатели’. Реализация переносного значения наряду с первичным позволяет рассматривать онимы, использованные в функции однородных членов, как пограничный случай ПИ.

Примеры такого использования в большей степени характерны для антропонимов, но встречается и перечисление топонимов, при котором актуализируются значения, изначально не присущие имени собственному: *Виновато же в моей недеятельности то, что я выбит из колеи, утерять право оседлой жизни, точно фельдъегерь старого времени, которого гоняли то в Крым, то в Варшаву, то в Царское Село, то за Урал* (Ч2, с. 331); *А я ведь назвал только часть безобразий и позора нашего. Есть еще Тула, Воронеж, Ростов и много-много других городов, битв и операций, о которых не хочется рассказывать, стыдно и позорно рассказывать* (А, с. 421).

Отметим, что в анализируемом материале встречаются также высказывания, в которых не представлены приемы актуализации переносного значения имени собственного. Тем не менее онимы в таких высказываниях используются в качестве прецедентных, то есть обозначают прецедентные ситуации, которые могут быть развернуты благодаря фо-

новым знаниям адресата или информации, сообщенной автором письма: *Но по натуре моей мне Исая ближе Иеремии...* (Г2, с. 225); *А на пути в вампиловский дом пробовал меня утопить погубитель Саши, Глеб Пакулов <...>. Это мы на лодчонке вышли на волнорез, и Пакулов запаниковал, ожидал, что на выходе волна меньше. <...> Когда подвалили к берегу, он был бледен и мокр не только от брызг, но и от напряженности, я ему внятно сказал: «Тебе что, твою мать, Вампилова мало?!»* (А, с. 691).

В анализируемых письмах (кроме писем В.П. Астафьева) нередки случаи использования ПИ для автохарактеристики, а также для именованности адресата или лиц, о которых ведется речь в письме. При таком употреблении ПИ выполняют функцию создания шуточного или ироничного тона в эпистолярной коммуникации. Так, в эпистолярной А.С. Пушкина в данной функции используются антропонимы, мифонимы и поэтонимы: *Прощай, мой милый Walter!* (П1, с. 207); *Тверской Ловелас С.-Петербуржскому Вальмону здоровья и успехов желает* (П2, с. 123); *Нет, душа моя Асмодей, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня – а еще дале бабушке до Юрьева дня* (П1, с. 248); *...припиши к «Бахчисараю» предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софьи Киселевой...* (П1, с. 183); *Поповна (ваша Кларисса) в Твери* (П2, с. 164). В письмах нет объяснения предыстории появления данных шуточных прозвищ, из чего можно сделать вывод о том, что, вероятно, они использовались и в устном общении автора с друзьями.

В письмах других авторов для шуточной или иронической характеристики адресата или третьих лиц используются антропонимы и поэтонимы: *Господин Шекспир! Так как ты создал «Платона Андреича» и, очевидно, желаешь вкусить всю сладость авторского чувства, то перед тем, как публика воздаст тебе должное, считаю излишним преподать тебе нижеследующее...* (Ч2, с. 204); *...ко времени твоего приезда постараюсь испросить у начальства разрешение побывать в Нижнем и послушать тебя, Соловей Будимирович* (Г1, с. 264); *Я хожу*

королем, а мать сзади с сумкой. Я убиваю куропатку и, не оглядываясь на своего толстого **Санчо Панса** в юбке, властно говорю: «Подбери!» (Ш, с. 674).

Яркой чертой эпистолярного идиостиля А.С. Пушкина является именование адресата или третьих лиц посредством ПИ в сочетании с реальной фамилией носителя прозвища: Она (молодая жена. – Т. А.) меня любит, но посмотри, **Алеко Плетнев**, как гуляет вольная луна, etc. (П2, с. 320); Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. **Улисс Лобанов** и **Аякс Федоров** спорят об оружии **Ахиллеса** (П3, с. 342).

В эпистолярной А.П. Чехова в качестве шуточных прозвищ автора и адресата используются прецедентные антропонимы, и автор мотивирует свой выбор того или иного ПИ. Так, подпись *Твой Цынцынатус* (Ч2, с. 564) обусловлена тем, что ранее в письме этому же адресату Чехов писал: *Денно и ночью мечтаю о хуторе. Я не Потемкин, а Цинциннат. Лежанье на сене и пойманный на удочку окунь удовлетворяют мое чувство гораздо осязательнее, чем рецензии и аплодирующая галерея* (Ч1, с. 340). Используя ПИ при обращении к адресату, А.П. Чехов объясняет ему, в чем он видит сходство адресата с носителем прецедентного антропонима: *Милый Альба! Называю Вас так, потому что Ваш трагический почерк – последнее слово инквизиции. Он, пока я прочел Ваше письмо, вывихнул мне глаза* (Ч1, с. 176). Такая экспликация причины появления шуточного прозвища сближает высказывания с ПИ и сравнительные конструкции.

Использование ПИ для названия участников эпистолярного общения, на наш взгляд, можно считать проявлением креативности создателей писем. О.П. Фесенко отмечает, что «креативность как свойство письма – признак постоянный (в том смысле, что он присущ эпистолярной вне зависимости от того, кем создан эпистолярный текст). Новые традиции формируются исключительно в дискурсе как универсальной форме общения. Формой проявления креативности является языковая игра» [13, с. 10]. Как видим, языковая игра в письмах является одним из способов созда-

ния шуточного или ироничного тона в эпистолярном общении.

Реализация языковой игры в письмах связана с появлением окказиональных словообразовательных дериватов ПИ: *Что из этого следует? Что ты безалаберный. Что ты ольдекопничаешь и воейковствуешь, перепечатывая нас, образцовых великих людей – Мерзлякова, двух Пушкиных, Великопольского, Подолинского, Полевого и проч.* (П2, с. 62); *Ты, кажется, несешь свое Лирство (Король Лир) мужественно. Помогай тебе бог* (Т2, с. 452).

Помимо имен существительных и глаголов, от антропонимов и поэтонимов могут быть образованы и имена прилагательные, которые используются авторами писем в качестве эпитетов: *Но, ради бога, обработайте их* (песни. – Т. А.) *и пользуйтесь ими в моцарто-гайденовском роде, а не бетховено-шумано-берлиозо-искусственном, ищущем неожиданного, роде* (Т1, с. 792); *Я чувствую какой-то зуд и ноздревский задор, когда знаю, что у меня в столе лежат деньги* (Ч1, с. 388); *...тут (в провинции. – Т. А.) <...> по-прежнему царит непробудное пьянство, уремная тьма и трусость, желание хапнуть и не попасться, фамусовская угодливость, ноздревская бойкая хамовитость и наглость да неукротимая тупость Собакевича* (А, с. 591).

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

1. В эпистолярном тексте в качестве прецедентных используются преимущественно антропонимы, мифонимы, поэтонимы и топонимы; прецедентные антропонимы в основном представлены фамилиями писателей и известных исторических личностей, прецедентные мифонимы – именами библейских персонажей и героев античных мифов.

2. Помимо общеизвестных онимов, в качестве ПИ в эпистолярном тексте могут употребляться имена и фамилии близких или знакомых автору и адресату людей, малоизвестные географические названия, также знакомые автору и адресату.

3. Различная частотность ПИ в целом, а также предпочтение онимов, относящихся к определенным тематическим группам, являет-

ся средством характеристики эпистолярного идиостиля автора письма. Отсутствие мифонимов в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева может быть обусловлено изменениями в языковой картине мира людей так называемого «советского общества».

4. Актуализации прецедентности онимов в эпистолярном тексте способствует их употребление в сравнительных конструкциях в качестве объекта сравнения, а также в формах множественного числа. Кроме того, антропонимы и топонимы используют в качестве однородных членов, что тоже формирует у онимов прецедентные значения.

5. Использование прецедентных антропонимов, мифонимов и поэтонимов для авторской характеристики, а также для именованности адресата или лиц, о которых ведется речь в письме, позволяет реализовать функцию создания шуточного или ироничного тона в эпистолярной коммуникации. Одним из важнейших способов при этом является языковая игра, состоящая в использовании окказиональных словообразовательных дериватов ПИ, среди которых встречаются существительные, глаголы, а также прилагательные, используемые в качестве эпитетов.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 13-04-00381 «Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимова, Т. П. Особенности функционирования прецедентных текстов в русских частных письмах XIX–XX вв. / Т. П. Акимова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». – 2013. – № 6 (81). – С. 70–73.

2. Алексеенко, М. А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности / М. А. Алексеенко // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс : сб. науч. тр. – М. : «Азбуковник», 2003. – С. 221–233.

3. Арбузова, В. Ю. Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен (на материале научных и эпистолярных текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Арбузова Виктория Юрьевна. – Липецк, 2007. – 24 с.

4. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. – СПб. : СПбГУ, 1999. – 444 с.

5. Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Филология, 1997. – С. 82–103.

6. Зырянова, И. П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зырянова Ирина Петровна. – Екатеринбург, 2010. – 22 с.

7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.

8. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т : Ин-т соц. образования, 2007. – 207 с.

9. Парсамова, В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Парсамова Вероника Яковлевна. – Саратов, 2004. – 23 с.

10. Пикулева, Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Пикулева Юлия Борисовна. – Екатеринбург, 2003. – 22 с.

11. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.

12. Смулаковская, Р. Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе / Р. Л. Смулаковская // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – С. 111–120.

13. Фесенко, О. П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Фесенко Ольга Петровна. – Томск, 2009. – 37 с.

14. Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – М. : Либроком, 2009. – 320 с.

ИСТОЧНИКИ

А – Астафьев, В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / В. П. Астафьев; сост., предисл. Г. Сапронова. – 2-е изд., доп. – Иркутск : Изд. Сапронов, 2009. – 752 с.

Г1 – Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889–1906 гг. / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1954. – 600 с.

Г2 – Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907–1926 гг. / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1955. – 671 с.

Г3 – Горький, М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927–1936 гг. / М. Горький. – М. : Худож. лит., 1955. – 819 с.

П1 – Пушкин, А. С. Письма. В 3 т. Т. I. 1815–1826 / А. С. Пушкин. – М. : Захаров, 2006. – 704 с.

П2 – Пушкин, А. С. Письма. В 3 т. Т. II. 1827–1831 / А. С. Пушкин. – М. : Захаров, 2006. – 672 с.

П3 – Пушкин, А. С. Письма. В 3 т. Т. III. 1832–1837 / А. С. Пушкин. – М. : Захаров, 2006. – 544 с.

Т1 – Толстой, Л. Н. Собрание сочинений. В 22 т. Т. 17–18 / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1984. – Т. 18 : Письма. 1842–1881 гг. – С. 305–912.

Т2 – Толстой, Л. Н. Собрание сочинений. В 22 т. Т. 19–20 / Л. Н. Толстой. – М. : Худож. лит., 1984. – Т. 19 : Письма. 1882–1899 гг. – С. 3–459.

Ч1 – Чехов, А. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 11. Письма. 1877–1892 / А. П. Чехов. – М. : Гослитиздат, 1956. – 711 с.

Ч2 – Чехов, А. П. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 12. Письма. 1893–1904 / А. П. Чехов. – М. : Гослитиздат, 1957. – 868 с.

Ш – Шолохов, М. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 10. Письма. 1924–1984 гг. / М. А. Шолохов. – М. : Советский писатель, 2005. – 736 с.

REFERENCES

1. Akimova T.P. Osobennosti funktsionirovaniya pretsedentnykh tekstov v russkikh chastnykh pismakh XIX–XX vv. [The Peculiarities of Precedent Texts Functioning in the Russian Personal Letters of the 19th–20th Centuries]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Filologicheskie nauki"*, 2013, no. 6(81), pp. 70–73.

2. Alekseenko M.A. Tekstovaya reminitsentsiya kak edinita intertekstualnosti [Text Reminiscence as a Unit of Intertextuality]. *Massovaya kultura na rubezhe XX–XXI vekov: chelovek i ego diskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Mass Culture at the turn of the 20th–21st Centuries: a Person and Their Discourse. Collected Academic Papers]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 221–233.

3. Arbuzova V.Yu. *Pretsedentnost v russkom yazyke kak lingvisticheskiy i kulturnyy fenomen (na materiale nauchnykh i epistolnykh tekstov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Precedence in the Russian Language as a Linguistic and Cultural Phenomenon (Based on Scientific and Epistolary Texts). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Lipetsk, 2007. 24 p.

4. Arnold I.V. *Semantika. Stilistika. Intertekstualnost* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 1999. 444 p.

5. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. *Pretsedentnoe imya i pretsedentnoe vyskazyvanie kak simvolny pretsedentnykh fenomenov* [The Precedent Name and Precedent Phrase as Symbols of Precedent Phenomena]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statey* [Language, Consciousness, Communication: Collected Papers]. Moscow, Filologiya Publ., 1997, pp. 82–103.

6. Zyryanova I.P. *Pretsedentnye fenomeny v zagolovkakh rossiyskoy i britanskoy pressy (2005–2009 gg.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Precedent Phenomena in the Headlines of the Russian and the British Press (2005–2009). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Ekaterinburg, 2010. 22 p.

7. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Linguistic Identity]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 264 p.

8. Nakhimova E.A. *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent Names in Mass Communication]. Ekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet; Institut sotsialnogo obrazovaniya, 2007. 207 p.

9. Parsamova V.Ya. *Yazykovaya lichnost uchenogo v epistolnykh tekstakh (na materiale pisem Yu.M. Lotmana): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Language Identity of a Scientist in the Epistolary Texts (Based on Yu.M. Lotman's Letters). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Saratov, 2004. 23 p.

10. Pikuleva Yu.B. *Pretsedentnyy kulturnyy znak v sovremennoy televizionnoy reklame: lingvokulturologicheskiy analiz: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Precedent Cultural Sign in Modern TV Commercials: Linguoculturological Analysis. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Ekaterinburg, 2003. 22 p.

11. Slyshkin G.G. *Ot teksta k simvolu: lingvokulturnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse]. Moscow, Academia Publ., 2000. 128 p.

12. Smulakovskaya R.L. *Svoeobrazie ispolzovaniya pretsedentnykh fenomenov v gazetnom diskurse* [The Peculiarity of the Precedent Phenomena Use in Newspaper Discourse]. *Lingvistika: byulleten Uralskogo lingvisticheskogo obshchestva*, 2004, vol. 12, pp. 111–120.

13. Fesenko O.P. *Kompleksnoe issledovanie frazeologii druzheskogo epistolnogo diskursa pervoy treti XIX veka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [A Comprehensive Study of the Phraseology of Friendly Epistolary Discourse of the First Third of the 19th Century. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Tomsk, 2009. 37 p.

14. Kormilitsyna M.A., Sirotinina O.B., eds. *Khoroshaya rech* [Good Speech]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 320 p.

SOURCES

Astafyev V.P. *Net mne otveta... Epistolarnyy dnevnik 1952-2001* [I Have No Answer... Epistolary Diary of 1952-2001]. Irkutsk, Izdatel Sapronov Publ., 2009. 752 p.

Gorkiy M. *Sobranie sochineniy. V 30 t. T. 28. Pisma, telegrammy, nadpisi. 1889-1906 gg.* [Collected Works. In 30 vols. Vol. 28. Letters, Telegrams, Inscriptions. 1889-1906]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1954. 600 p.

Gorkiy M. *Sobranie sochineniy. V 30 t. T. 29. Pisma, telegrammy, nadpisi. 1907-1926 gg.* [Collected Works. In 30 vols. Vol. 29. Letters, Telegrams, Inscriptions. 1907-1926]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1955. 671 p.

Gorkiy M. *Sobranie sochineniy. V 30 t. T. 30. Pisma, telegrammy, nadpisi. 1927-1936 gg.* [Collected Works. In 30 vols. Vol. 30. Letters, Telegrams, Inscriptions. 1927-1936]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1955. 819 p.

Pushkin A.S. *Pisma. V 3 t. T. 1. 1815-1826 gg.* [Letters. In 3 vols. Vol. 1. 1815-1826]. Moscow, Zakharov Publ., 2006. 704 p.

Pushkin A.S. *Pisma. V 3 t. T. 2. 1827-1831 gg.* [Letters. In 3 vols. Vol. 2. 1827-1831]. Moscow, Zakharov Publ., 2006. 672 p.

Pushkin A.S. *Pisma. V 3 t. T. 3. 1832-1837 gg.* [Letters. In 3 vols. Vol. 3. 1832-1837]. Moscow, Zakharov Publ., 2006. 544 p.

Tolstoy L.N. *Sobranie sochineniy: v 22 tomakh. Tom 17-18. T. 18 – Pisma 1842-1881 gg.* [Collected Works. In 22 vols. Vol. 17-18. Vol. 18 – Letters of 1842-1881]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, pp. 305-912.

Tolstoy L.N. *Sobranie sochineniy: v 22 tomakh. Tom 19-20. T. 19 – Pisma 1882-1899 gg.* [Collected Works. In 22 vols. Vol. 19-20. Vol. 19 – Letters of 1882-1899]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, pp. 3-459.

Chekhov A.P. *Sobranie sochineniy: v 12 t. T. 11. Pisma 1877-1892 gg.* [Collected Works. In 12 vols. Vol. 11. Letters of 1877-1892]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956. 711 p.

Chekhov A.P. *Sobranie sochineniy: v 12 t. T. 12. Pisma 1893-1904* [Collected Works. In 12 vols. Vol. 12. Letters of 1893-1904]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. 868 p.

Sholokhov M.A. *Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 10. Pisma 1924-1984 gg.* [Collected Works. In 10 vols. Vol. 10. Letters of 1924-1984]. Moscow, Sovetskiy pisatel Publ., 2005. 736 p.

**ONYMS OF EPISTOLARY TEXT IN THE ASPECT OF PRECEDENCE
(BASED ON THE LETTERS
OF THE RUSSIAN CLASSICAL WRITERS
OF THE 19TH-20TH CENTURIES)**

Tatyana Petrovna Akimova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Language,
Volograd State Socio-Pedagogic University
akimova_t@rambler.ru
Prosp. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In the article the author analyzes the peculiarities of the precedent names use in private letters of the Russian classical literature writers. The author defines the features of the writers' individual style in the given sphere. The trends in the precedent names use for two centuries in Russian epistolary texts are also revealed.

It is determined that the precedent names used in epistolary texts included mainly personal names, myth names, poetry names, and place names. The author finds out similar characteristics and differences in the use of precedent units in the epistolary texts by different authors.

The meanings of proper names that let us classify them as precedent ones, are actualized in the epistolary text by using a proper name in the comparative structures as an object of comparison, as well as through the use of proper names in the plural form. The epistolary text is also characterized by the use of personal names and place names as homogeneous parts of the sentence which allows actualizing the meaning of the proper name other than a denotative one.

Using precedent personal names, myth names and poetry names for self-identification, and naming the addressee, let implement the function of creating a humorous or an ironic tone in epistolary communication. One way of fulfilling this function is a language game which consists in the use of occasional word-forming derivatives of precedent names.

Key words: individual style, intertextuality, onym, precedent name, precedent text, epistolary text, language game.